

Исследование Р. М. Джанполадян о средневековом стеклоделии Армении построено на материалах из Двина. В работу входит каталог, введение на армянском, русском и английском языках и альбом иллюстраций.

Все входящие в каталог изделия представлены на фотографиях, среди которых немало цветных. Кроме того, на 20 таблицах рисунков изображены все формы и орнаменты стеклянных сосудов, включенных в каталог, а также профили обломков венчиков, ножек и ручек, из-за своей фрагментарности и схожести с другими вещами не имеющих отдельных номеров в каталоге.

Библиография (92 названия) характеризуется весьма продуманным подбором литературы, знакомство с которой необходимо для понимания истории средневекового восточного стеклоделия.

Каталог с его краткими и четкими описаниями содержит также весьма существенные замечания о происхождении форм и назначения изделий. Указаны аналогии на широкой территории от Западной Европы до Средней Азии. Сейчас при обилии нового массового археологического материала едва ли возможно дать полную сводку аналогий. Однако автору, как правило, удается достаточно определенно очертить географические и хронологические пределы находок аналогичных предметов.

Большое разнообразие двинской коллекции, тщательность издания и продуманный учет аналогий делают книгу Р. М. Джанполадян своего рода краткой энциклопедией стеклоделия на Ближнем Востоке IX—начала XIII в. В наши дни эта книга продолжает традицию классических трудов К. Ламма, выходявших с конца 20-х до начала 40-х годов.

К сожалению, раскопки Двина дают довольно широкие даты комплексов, из которых происходит публикуемый материал. Поэтому археологические даты, хотя и способствуют уточнению некоторых веков в истории стеклоделия, в ряде случаев не улучшают принятые в литературе несколько обобщенные датировки. К важным уточнениям надо отнести расширение датировки толстостенных чаш со шлифованными фасетками, которые производились не только в VI—VII вв., но и в VIII—начале IX в. Отмечаются привоз таких чаш из сасанидского Ирана (и Месопотамии) и изготовление подобных изделий на месте. Для IX в. в Двине наблюдается сосуществование дорогостоящих резных и шлифованных сосудов с более дешевыми, выполненными простым дутьем и дутьем в форму. Позднее сложные и дорогие типы постепенно исчезают, что автор связывает с наблюдаемым во всех видах ремесла переходом к массовому, рассчитанному на широкий рынок производству (с. 37). С XII в. широко распространяются накладные орнаменты из «нитей, точек, капель и аппликаций» (с. 38).

В какой мере картина, полученная по материалам Двина, характерна для всего средневосточного региона? В Средней Азии со второй половины VIII в. и особенно в IX в. наступает подлинный расцвет дутой в форму стеклянной посуды, однако резное и шлифованное стекло здесь, видимо, не производилось, а его редкие находки можно объяснить привозом из Ирана и Ирака.

Интересны полученные Р. М. Джанполадян данные по международным связям Армении. Характерная для IX в. ориентация на центр аббасидского халифата сменяется в X—XI вв. связями с Византией и Сирией. В XII—XIII вв. отмечаются связи Армении с Сирией и Грузией. Принимая эти важные выводы, надо учитывать, однако, что такие сирийские по своему происхождению приемы, как декор из накладных нитей, в период после распада халифата распространяются на восток вплоть до Ирана и Средней Азии.

В целом обзор международных связей Армении указанного времени сделан с подлинной объективностью, без столь обычного в археологической литературе выпячивания местных достижений. Тем не менее важное значение Двина как ремесленного и торгового центра выступает с полной очевидностью. Выявлены даже особенности отдельных мастерских.

Эксперименты о лабораторной посуде, об уникальном византийском расписном сосуде, о расписном стекле XII—начала XIII в. представляют особый интерес. Этим

материалам автором были посвящены отдельные работы, получившие признание специалистов. В связи с лабораторной посудой заметим, что в некоторых случаях функции сосудов могли быть не столь специализированными. Сосуды № 122, 125, 126 в отличие от «аламбиков» № 123, 124, конечно, могли использоваться в качестве лабораторной посуды, однако кувшин № 122 принадлежит к распространенному типу сосудов, приспособленных для задерживания осадка, а это могло пригодиться не только в научных экспериментах, но и в быту; сосудики же № 125, 126 могли применяться не только алхимиками, но и цирюльниками при кровопускании.

В целом работа Р. М. Джанполадян по своему научному значению, безусловно, выходит за рамки закавказской проблематики. Она станет настольной книгой каждого, кто занимается стеклоделием Кавказа, Византии, Древней Руси, Ирана и Средней Азии.

Б. И. Маршак

D. Renner. Die koptischen Stoffe im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg. Wiesbaden, 1974, 89 S., Taf. I—IV, 1—40.

Каталог коптских тканей Музея Мартина фон Вагнера в университете Вюрцбурга, составленный Доротеей Реннер, представляет собой по существу первую серьезную публикацию названной коллекции. Сведения об этой коллекции появились в печати дважды, в 1897 и 1938 гг., и содержали лишь краткие данные.

Коллекция, сложившаяся в 1894—1906 гг., невелика, в ней всего 57 тканей. Однако счастливой особенностью этого собрания является то, что известно происхождение всех тканей, кроме четырех: 17 тканей, купленные у Р. Форрера, происходят из Ахмима-Папополиса; того же происхождения 18 тканей, приобретенные из коллекции Т. Графа; другие 18 тканей, полученные музеем в дар от Немецкого восточного общества, были найдены при раскопках Ашмуниена.

Уже одно это обстоятельство придает важность коллекции и делает ее публикацию весьма желательной и полезной в первую очередь для всех, занимающихся вопросами определения, датировки коптских тканей. В коллекции нет шедевров, в ней собраны вещи ординарные, не отличающиеся от обычных находок в большинстве коптских некрополей. С известной точки зрения, это даже интереснее, ибо позволяет представить средний уровень ткацкого ремесла коптов.

Каталог состоит из краткого предисловия, введения (с. 1—9), расположенных по хронологическому принципу каталожных описаний (с. 13—84), указателей (с. 85—89) и таблиц с цветными и черно-белыми воспроизведениями всех тканей коллекции. Во вступительной статье автор излагает теоретические положения, на которых основана вся работа, и подвергает всестороннему рассмотрению исследуемый материал. Для удобства предлагаются несколько параллельных группировок тканей: 1) по материалу — лен с шерстью и шелк; 2) по окраске — пурпурные и полихромные; 3) по технике — петельчатые и гобеленные ткани и вязаные изделия; 4) по хронологическому признаку — эллинистическо-римские, коптские и ткани с сасанидским влиянием.

Д. Реннер сознательно избегает вопросов технологии, состава красителей, отсылая читателей к уже имеющимся трудам на эти темы. Подробная библиографическая справка делает излишним повторение опубликованных данных.

Отметив, что большинство вюрцбургских тканей представляет собой фрагменты вещей, разрезанных на мелкие куски для распродажи, и предположив, что другие части тех же вещей можно обнаружить в разных собраниях мира, Д. Реннер провела сравнительное изучение вюрцбургских тканей с экспонатами других хранилищ и доказала единство их происхождения (с. 3—4). Некоторым тканям найдены очень близкие аналогии (с. 4).

При датировке тканей Д. Реннер опирается на наблюдения таких авторитетных специалистов, как Кендрик, О. Вульф, В. Ф. Фольбах и др. Она учитывает также и новейшие методы установления возраста тканей, предлагаемые Дж. Бэковисом, П. дю Бурге и Г. де Франковичем.